

Максим Горький

Испытатели



Заметки из дневника. Воспоминания

Максим Горький

Испытатели

«Public Domain»

1923

Горький М.

Испытатели / М. Горький — «Public Domain», 1923 — (Заметки из дневника. Воспоминания)

«В курорте Сестрорецк был банщик Степан Прохоров, благообразный, крепкий старик, лет шестидесяти...»

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

8

Максим Горький

Испытатели

В курорте Сестрорецк был банщик Степан Прохоров, благообразный, крепкий старик, лет шестидесяти. Странно смотрели на людей его выпуклые, фарфоровые глаза, – блесело в них что-то слишком светлое и жестокое, но улыбались они ласково и даже, можно сказать, милостиво. Казалось, что во всех людях он видит нечто достойное сожаления. Его отношение к людям внушало мысль, что он считает себя мудрейшим среди них. Двигался он осторожно, говорил тихо, как будто все вокруг него спали, а он не хотел будить людей. Работал солидно, неумолимо и охотно брал на себя работу других. Когда тот или иной служащий курзала¹ просил его сделать что-нибудь, Прохоров, вообще немногословный, говорил торопливо и утешительно:

– Ну, ну, – сделаю я, брат, сделаю, не беспокойсь!

И делал чужое дело благожелательно, без хвастовства, точно милостину подавая лентяям.

А держался он в стороне от людей, одиноко; я почти не видал, чтобы в свободный час старик дружески беседовал с кем-либо из сослуживцев. Люди же относились к нему неопределённо, но, видимо, считали его глуповатым. Когда я спрашивал о Прохорове: «Что это за человек?» – мне отвечали:

– Так себе человек, обыкновенный.

И только лакей, подумав, сказал:

– Старик – гордый. Чистюля.

Я пригласил Прохорова вечером пить чай, в мою комнату, огромную, как сарай, с двумя венецианскими окнами в парк, с паровым отоплением; каждый вечер в девять часов трубы отопления шипели, бормотали, и, казалось, кто-то глухим шёпотом спрашивает меня:

«Хотите рыбы?»

Старик пришёл одетый щёголем: в новой, розового ситца, рубахе, в сером пиджаке, в новых валенках; он аккуратно расчесал широкую, сивую бороду и смазал серые волосы на голове каким-то жирным клеем едко-горького запаха. Степенно попивая чай с красным вином и малиновым вареньем, он вполголоса, очень связно и легко рассказал мне:

– Правильно изволили приметить, – я человек добрый. Однакож – родился я и половину жизни прожил, как все, без внимания к людям, добрым же стал после того, когда потерял веру в господина бога. А это произошло со мною от непрерывных удач в жизни. Удача преследовала меня со дня рождения; отец мой, слесарь во Мценске, так и говорил: «Степанка родился на счастье», – потому что в год рождения моего ему удалось разжиться, открыл свою мастерскую. И в играх я был удачлив и учился играючи; не испытал никаких болезней и неприятностей. Кончил училище – сразу попал в богатое поместье, в контору, к хорошим людям; хозяевами был любим, барыня говорила мне: «Ты, Степан, имеешь способности, береги себя». И это верно: способностей у меня было настолько много, что я сам себе удивлялся: откуда они? Даже лошадей лечил, не имея никакого понятия, чем они хворают. Любую собаку выучивал ходить на задних лапах, и не боем, а только лаской учил. На женщин тоже имел удачу: какая нравится, та и явится, без запинки. В двадцать шесть лет был я старшим конторщиком и, без ошибки говорю, мог бы стать управляющим. Господин Маркевич, писатель книг, вроде вас, восхищался: «Прохоров настоящий русский человек, как Пурсам». Кто таков Пурсам – не знаю, но господин Маркевич был к людям строг, и его похвала – не шутка! Очень я гордился собою, и всё шло хорошо. Были у меня деньжонки прикоплены, собирался жениться и уже присмотрел приятно подходящую мне барышню, но вдруг, незаметно для себя, почувство-

¹ общественное помещение в банях, лечебницах, на курортах – Ред.

вал опасность жизни. Загорелся у меня любопытнейший вопрос: «Почему мне во всём удача? Именно – мне?» Вспыхнул вопрос этот, и даже спать не могу. Бывало, устанешь за день, как лошадь на пашне, а – ляжешь спать и думаешь, открыв глаза: «Почему мне удача?» Конечно – способности у меня, богомолен я, неглуп, скромнен, трезв. Однако же: вижу людей многим лучше меня, но им не везёт фортуна. Это – вполне ясно. Думал, знаете, думал: «Как же ты, господи, допускаешь такое? Живу, точно ягода в сахарном варенье, а однако кто же меня съест?» И всё у меня на уме одно это. Чувствую, что в удачной жизни моей скрыта какая-то хитрость, как будто заманивают меня приятностями, – к чему манят? Мысленно спрашиваю: «Куда, господи, ведёшь?» Молчит господин бог... Молчит.

– Тогда решил я: дай-ка попробую бесчестно жить, что будет? И взял из кассы денег четыреста двадцать рублей, в том расчёте, что за кражу свыше трёх сот в окружном суде судят. Хорошо. Взял. Конечно – хватились, управляющий Филипп Карлович, добрейший человек, спрашивает: «Где?» – «Не знаю». А сделано было так, что кроме меня подумать не на кого. Вижу: Филипп Карлович весьма смущён и тоскует. Ну, думаю, зачем же мучить хорошего человека? Говорю ему: «Деньги украл я». Не верит, – «Шутишь», кричит. Однако – поверил, доложил барыне, та даже испугалась: «Что с тобой, Степан?» – «Судите», говорю. Рассердилась она, покраснела, рвёт пальцами оборку кофты: «Судить, говорит, я не стану, но ты так нахально держишься, что, сам согласишься...» Я согласился и ушёл от них, уехал в Москву, а деньги возвратил почтой, от чужого имени, не от своего...

Я спросил старика:

– Зачем же вы это сделали? Пострадать захотелось?

Удивлённо подняв густые, колючие брови, он усмехнулся в бороду и вытряс из неё усмешку ударами чисто вымытой ладони по курчавым волосам бороды.

– Ну, нет, – зачем же мне страдать? Я – любитель спокойной жизни. Нет, – просто любопытство одолело меня: почему мне удача? А может, осторожность заставила: испытать хотел – насколько прочны удачи мои? Вообще же – молодость, хе-х! Играет человек сам собой. Хотя однако тут не чистая игра, то есть не одна чистая игра. Необыкновенно жил: в холе и ласке, подобно комнатной собачке. Люди вокруг морщатся, охают, а я – осуждён господином богом на спокойную жизнь до конца дней, как видно. Всем людям – разные испытания, а мне – ничего, как будто я не достоин обыкновенного, человеческого. Вот и всё, полагаю...

– Н-ну-с, лежу в Москве, в гостинице, в номере, думаю: «Другого бы за рубль под суд отдали, а мне и за четыреста рублей – ничего!» Даже смешно стало: вот она, неудача! «Нет, думаю, погоди, Степан!» Присматриваюсь к людям; гостиница грязненькая, народ в ней тёмный, картёжники, актёры, мятые бабёнки. А один выдавал себя за повара, однако оказался, по ремеслу, вором. Завёл я с ним знакомство. «Как живёте?» – спрашиваю. «Да так, говорит, когда – густо, когда – пусто, когда – нет ничего». Разговорились. «Есть, говорит, у меня в виду одно дельце, но – требуется хороший инструмент, а инструмент дорогой, денег же у меня нету». «Ага, думаю, вот оно!» Спрашиваю его: «Разрушения чужой жизни не будет?» Он даже обиделся: «Что вы, шипит, мне своя башка очень дорогая!» Н-ну-с, дал я ему денег на инструменты и чтобы, в награду мне, взял он меня с собой на грабёж. Поломался он, поартачился, однако – взял. Занятие его не понравилось мне, как будто ходили мы в гости, а хозяев не застали дома. Отперла нам дверь черномазенькая девица, как видно – знакомая его, он её сейчас же ловко связал по рукам, по ногам и начал ковырять какой-то шкаф, ковыряет, а сам тихонько посвистывает. Простота. Как пришли, так и ушли, не испытав ни малого беспокойства. Человек этот сейчас же скрылся из Москвы, а я живу один, дурак дураком. «Так? – думаю. – Опять удача?» И смешно мне, и злюсь на всё. В озлоблении на себя и на господина бога, который ведь должен был видеть всё, что я делаю, пошёл я в театр, сижу на балконе, а через человека от меня сидит эта черномазенькая девица, смотрит на сцену и слёзы платочком оттирает. В перерыве комедии подошёл я к ней. «Кажется, знакомы?» – говорю. Ну, она однако не отвечает.

Напомнил я ей кое-что. «Ах, говорит, тише, пожалуйста». Спрашиваю: «От какой печали слёзы льёте?» – «Принца, говорит, жалко!» – это на сцене принц какой-то извивался. После театра пошла она со мной в трактир, а из трактира увёл я её к себе в номер, и стали мы жить вместе, вроде любовников. Она, принимая меня за настоящего вора, спрашивает: «Дел нету?» – «Дел у меня нет», говорю. «Хорошо, я тебя познакомлю с компанией». Познакомила. Оказалось, что хотя и воры, однако – ребята хорошие. Особенно – один, Костя Башмаков, удивительное создание обстоятельств природы, словно ребёнок, такая ясная, весёлая душа! Очень я подружился с ним. И сознаюсь ему: «Мне, собственно, ничего не надо, я только из любопытства вором стал». А он говорит: «Я тоже от живости души, очень, говорит, много хорошего на земле, и приятно жить. Мне, говорит, иной раз хочется на улице крикнуть: братцы, ловите меня, я есть вор!» Забавная личность, но вскорости, спрыгнув на ходу поезда, сломал он себе руку, а потом приключилась ему чахотка, уехал в степь, кумыс пить. Валандался я с этой компанией, – трое было их, – четырнадцать месяцев, воровали мы по квартирам и в поездах, и ожидал я, что вот завтра случится необыкновенное, страшное, однако всё сходило с рук вполне благополучно. Голова компании Михайло Петрович Борохов, очень почтенный человек и приметный умница, однажды говорит: «Это нам с той поры фортуна повезла, как пристал к нам Степан». Опамятовали меня его слова, воротился я от рассеянной жизни к себе самому, задумался: «Что же теперь? Человека убить мне, что ли?» И мыслишка эта воткнулась в сердце занозой, воткнулась, сидит, нарывает. Ночью сяду на койке, суну руки в колени и думаю: «Как же это так, господин бог? Стало быть, вам всё равно, как я живу? Ведь вот собираюсь я человека убить, подобного мне, и очень просто могу убить. Как же это?» Молчит господин бог...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.